

Баснописец, библиотекарь, холостяк

Ольга Иванова

Продолжаем разговор о не совсем известных сторонах деятельности известных людей. Мы уже рассказывали о великом математике Николае Лобачевском, посвятившем значительную часть жизни библиотечному делу. На очереди баснописец Иван Андреевич Крылов, как оказалось, также самозабвенный библиотекарь, а ещё... Но не будем опережать автора очень интересной статьи

НЕИЗВЕСТНОЕ ОБ ИЗВЕСТНЫХ ЛЮДЯХ

АВТОР знаменитых басен Иван Андреевич Крылов известен нам с детских лет. У кого в памяти не остался портрет тучного, добродушного дяденьки с пышной седой шевелюрой, красующегося на страницах школьного учебника? А вместе с воспоминанием приходят на ум летучие, незабываемые, лёгкие для запоминания строки: «Вороне где-то Бог послал кусочек сыра» или «Ай, Моська! Знать, она сильна, что лает на Слона!» И кому известна другая, не менее значимая сторона деятельности баснописца – его трудоёмкая, долгая и самозабвенная работа библиотекарем?

Иван Андреевич получил предложение служить в готовящейся к открытию Императорской Публичной библиотеке Санкт-Петербурга накануне своего 43-летия, в январе 1812 года. К тому времени он уже устал от беспорядочной жизни ста-

рого холостяка, не имевшего привязанности к одному месту и любимому делу. Конечно, любимое дело у Крылова имелось, сказывалось его страстное увлечение литературой, потому стезя поэта, прозаика, драматурга и издателя сатирических журналов пролегла через всю его жизнь с ранних лет. Но особо преуспеть удалось в сочинении басен, где его острый, иронический, всё подмечающий ум сумел блеснуть во всей своей мощи. Будучи страстным игроком в карты, Иван Андреевич исколесил многие губернии России, меняя квартиры и места жительства, но с возрастом стал понимать, как тяжёл подобный образ существования и решился осесть в столице. Петербург не преминул встретить баснописца с почётом. В декабре 1811 года Крылова избрали членом Российской Академии, а за признанием заслуг поступило и судьбоносное предложение от Оленина.

С директором Императорской Публичной библиотеки Алексеем Николаевичем Олениным его связывало давнее знакомство, переросшее в дружбу. Оленин ценил Крылова за искромётный талант, за уже вполне состоявшийся на литературном поприще авторитет и за связи в среде книготорговцев, что, безусловно, могло пригодиться в новой деятельности баснописца. Алексей Николаевич взял на себя заботы о благоустройстве Ивана Андреевича в Петербурге и выпросил для него у государя пожизненный годовой пансион в 1 500 рублей, заметно умножившийся впоследствии. Государственное содержание позволило несколько упорядочить жизнь вечного скитальца и позабыть о нужде, сопровождавшей Крылова с детства.

Службу в Публичке Иван Андреевич начал на пару с известным библиографом Василием Степановичем Сопиковым в Русском отделении, поначалу насчитывающем всего четыре книги. У кого-то и руки могли опуститься, но директор недаром набирал в библиотеку людей упорных, настойчивых и трудолюбивых. Итак, дело в Русском отделе

закипело. Ещё в 1810 году М. М. Сперанский на основе доклада Оленина составил «Положение об управлении Императорской Публичной библиотекой». По сути, это был первый библиотечный законодательный акт России, и в нём содержался особо важный пункт об обязательном экземпляре. По нему каждое издаваемое в стране печатное издание безвозмездно доставлялось в Публичку в двух экземплярах. За год это составляло от 300 до 600 штук, не считая дублетов.

Начиная с 1811 года, обязательные издания стали пополнять фонд русского отделения, но куда более заметное поступление происходило благодаря стараниям Крылова. Знакомые книгопродавцы уступали Ивану Андреевичу за полцены, а то и просто дарили тома отечественных поэтов и прозаиков, переводные труды зарубежных авторов и подшивки журналов. Ассигнование на подобные нужды казной не предусматривалось, и средства приходилось выбивать. Сослуживцы, имевшие такую возможность, использовали связи и влиятельные знакомства; другие обращались с бесконечными просьбами к высоким чиновникам, обивали пороги учреждений. За библиотечное дело коллеги радели, словно за своё собственное, и каждый добытый экземпляр несли в сокровищницу знаний почётным трофеем. До намеченного открытия заведения оставалось немного времени, как вдруг грянула война, и самую ценную часть библиотеки срочно эвакуировали из города в Олонецкую губернию, вернув лишь после изгнания Наполеона из России.

Такова была хлопотная судьба книжных фондов, но надо заметить, что и сама библиотека имела долгую и трудную историю, начавшуюся с задумок просвещённой Екатерины II. Императрица обратила внимание на недостающий России источник народного просвещения – такой, как открытые для всех книгохранилища. Высочайший взор на нужды культуры государыня направила уже в конце жизненного пути, хотя о пуб-

личной библиотеке заговаривали ещё в начале её царствования. В 1795 году утвердили архитектурский проект Егора Соколова и назначили место для будущего здания на пересечении улицы Сенной и Невского проспекта. Императрица даровала новому детищу телескоп для будущей обсерватории, которую следовало пристроить к зданию библиотеки, личные собрания Вольтера и Дидро, рукописные и книжные коллекции братьев Залуских и собрания Эрмитажной библиотеки. Последнее распоряжение по поводу отпуска средств на постройку здания Екатерина Великая сделала за месяц до своей кончины. Павла I проект матушки волновал мало, но, к счастью, нашёлся неравнодушный меценат, граф Строганов, продолживший начатое дело. Александр Сергеевич Строганов взял на себя заботу и о пополнении фондов коллекциями, находящимися за рубежом. Он убедил в такой необходимости следующего российского императора Александра Павловича, на правление которого пришлось открытие Публички.

Императорскую Публичную библиотеку торжественно открыли в январе 1814 года, приурочив начало работы к первому посещению заведения государем. Красивое здание с колоннами, статуями и величественными залами впечатляло каждого. Но главным являлось не само строение, а его содержимое – бесценный фонд книжных, печатных и рукописных изданий. Алексей Николаевич Оленин писал в том же году: «Истинная цель открытого книгохранилища состоит в том, чтоб всякий, кто бы он ни был, мог требовать для своего употребления всякого рода печатные книги, даже самые редкие <...> и пользоваться ими безвозмездно, не унося их токмо домой». На открытие присутствовало двести гостей, звучали пыльные речи, стихи и добрые пожелания. Им внимали преданные сотрудники библиотеки, и в их числе Иван Андреевич Крылов, с готовностью поучаствовавший в действии и прочитавший сочинённую по этому случаю басню «Водолазы»:

Какой-то древний царь впал
в страшное сомнение:
Не более ль вреда, чем пользы,
от наук?
Не расслабляет ли сердце и рук ученье?
И не разумнее ль поступит он,
Когда учёных всех
из царства вышлет вон?

А читал Крылов превосходно, легко и естественно, все персонажи басен разговаривали у него по-особому, разными голосами, и слушатели получали двойное удовольствие, как от замечательного текста, так и от таланта чтеца.

Минули торжества, и потекли будни, где три раза в неделю – среду, четверг и пятницу Публичка открывалась для читателей. Русское отделение занимало почти весь первый этаж библиотеки, который выходил окнами на Невский проспект и на Александринскую площадь (ныне площадь Островского). Дежурный библиотекарь, а им был либо Сопиков, либо Крылов, принимал заказы, приносил книги и следил за порядком в круглой зале, украшенной мраморными статуями и бюстами писателей и учёных. Здесь размещался читальный зал с его непередаваемой атмосферой, музейной тишиной, прерываемой лишь шелестом страниц и осторожным покашливанием простуженного читателя. Остальные дни недели предназначались для разбора книг, каталогизации и других работ, которые Иван Андреевич любил, несмотря на их внешнюю громоздкость и монотонность.

Вместе с коллегой В. С. Сопиковым Крылов работал над первым каталогом отделения, названный «Каталог Российским книгам в Императорской Публичной библиотеке находящимся». Огромный рукописный фолиант сохранился до нашего времени и в него вошли сведения о 2100 изданиях. Над каталогом Иван Андреевич трудился около 10 лет и заканчивал его уже без Сопикова, покинувшего свой пост в 1816 году сначала по причине болезни, а потом – смерти. Одновременно составлялись ещё два тома, предназначенные исключительно для работников библиотеки,

*Крылов,
Пушкин,
Жуковский
и Гнедич
в Летнем
саду.
1832.
Художник
Г. Чернецов*

которые Крылов закончил тремя годами позже. Составлению систематического каталога предшествовала большая и кропотливая работа. Иван Андреевич подошёл к стоящим проблемам с присущей ему продуманностью и определил основную задачу – возможность быстрого поиска требуемого читателем издания, как в каталоге, так и на полке в шкафу. Одним из его усовершенствований стало создание нумерационной тетради, это был своеобразный инвентарь или топографический каталог. В тетради впервые в истории библиотечного дела России Крылов указывал, как он говорил, «приметы книги», а иначе

шифр. С того момента на печатном издании и в каталоге принялись ставить две цифры: ими обозначались место на полке и номер самой полки. На страницах некоторых экземпляров и сейчас сохранились цифры, поставленные рукой Ивана Андреевича. Позже, в 40-е годы XIX века, библиотека окончательно пошла по пути, указанному И. А. Крыловым, когда расстановку книг связали шифром, поместив его и на печатном издании, и на карточке.

Но основным делом библиотекаря Крылова оставалось пополнение книжного фонда. Хотя существовал закон об обязательном экземпляре всех пе-

чатавшихся изданий, но не всегда Публичка их получала. Иван Андреевич брался за дело с завидной энергией, требуя неукоснительного соблюдения указа. Попутно он обходил издателей и книготорговцев, знакомился с частными коллекциями в поисках редких или недостающих сочинений. Сохранились многочисленные докладные записки и рапорты Ивана Андреевича, говорящие о широте его поисков и многообразии областей, которые интересовали нашего библиотекаря – книги по истории, географии, физике, медицине, астрономии, сельскому хозяйству, домоводству и, конечно, художественная литература. В феврале 1829 года в одной из таких записок Крылов писал: «Санкт-петербургский книгопродавец Александр Смирдин по приложенному реестру представил в императорскую Публичную библиотеку для покупки разного звания книг, вышедших из печати до 1811 года, ценою до 5 000 рублей, а так как оных книг в Библиотеке не находится, то я, полагая нужным таковое приумножение и находя очень выгодным для Библиотеки, — имею честь представить всё сие на благоусмотрение вашего превосходительства».

Иван Андреевич развивал поистине бурную деятельность, когда дело касалось редких и ценных экземпляров. Так было с приобретением части собрания старопечатных книг и рукописей графа Ф. А. Толстого. Следовало найти огромную сумму в 150 000 рублей для того, чтобы эта сокровищница стала частью Публичной библиотеки, и купить коллекцию удалось, но при сверке одного тома, указанного в описи, не оказалось на месте. Крылов повёл долгие переговоры с графом, не отыскав пропажу, он настоял на замене.

Немало потрудился Иван Андреевич над улучшением библиотечного дела. Даже мелочи не обходил стороной, так, например, завёл специальные футляры для небольших брошюр, заботясь об их сохранности и лучшем поиске. О его трепетном отношении к книге в своих воспоминаниях поведал современник

и друг Крылова П. А. Плетнёв. Как-то Иван Андреевич выпросил у Оленина на дом роскошный библиотечный том о Египте с замечательными гравюрами. Рассматривая фолиант, он по своей неаккуратности опрокинул на него чашку с кофе. Крылов бросился на кухню, схватил ушат с водой и принялся поливать запачканную страницу. Увидев такое безобразие, служанка побежала к жившему этажом выше библиотекарю и поэту Н. И. Гнедичу, крича, что её барин не в своём уме. Но Иван Андреевич объяснил поражённому Гнедичу, что без воды не было никакого способа свести с листов пятен. Так и оказалось. Когда книгу просушили, на ней осталась лишь одна жёлтенькая полоска по краю страниц.

В Русском отделении у библиотекаря Крылова царил порядок, в отличие от служебной квартиры, находящейся в соседнем особняке. Квартира досталась Ивану Андреевичу от Василия Степановича Сопикова. Когда старший коллега вышел в отставку, Крылов наследовал его должность и жильё. Квартира состояла из трёх помещений, окна выходили на Гостинный двор. Баснописец облюбовал последнюю из комнат, угловую, где за перегородкой стояла кровать, а в светлой половине, у окон, Иван Андреевич обычно отдыхал на диване. У него не было оборудованного кабинета и письменного стола с обязательными атрибутами человека пишущего, красивой мебели, ковров и прочих вещей, призванных создавать комфорт. Единственным украшением полупустого зала являлся большой портрет, где профессор Академии художеств Р. М. Волков изобразил Ивана Андреевича в его любимом халате. Но даже в зале, где принимались посетители, в глаза бросались неухоженность, скудость мебели, на всём лежал толстый слой пыли, пепел от любимых хозяином сигар с мундштуком, голубиный помёт. Форточки, а то и окна в квартире всё лето держались распахнутыми, а на подоконнике специально рассыпалось зерно для кормления пернатых друзей, которые беспре-

пятственно расхаживали по комнатам. Редко кто решался сесть на стул, не очистив его прежде или обмахнув носовым платком.

Крылова подобные мелочи мало беспокоили, как и собственный внешний вид – неряшливый и вечно растрёпанный. В обыденной жизни он отличался спокойствием и беспечностью, и только две вещи занимали и радовали его – занятие литературой и еда. О чревоугодии Ивана Андреевича ходили анекдоты, но не все знали, что его непревзойдённый аппетит являлся следствием голода, перенесённого мальчиком Ваней в осаждённом Оренбурге, и бесконечной нужды, которую Крылов терпел многие годы. А анекдотов было не счесть, и баснописец сам поддерживал славу обжоры, неряхи и ленивца. Поговаривали, собираясь на маскарад, он спрашивал совета, что ему надеть, у жены и дочери Оленина, а те отвечали, что достаточно вымыться и причесаться, чтобы стать неузнанным. В Английском клубе баснописец не обходил вниманием ни одного блюда. Наевшись до отвала, Крылов обычно вставал и, перекрестившись, произносил: «Много ли надо человеку?» Сотрапезники, являвшиеся свидетелями, сколько надобно Крылову, принимались хохотать. А Иван Андреевич, вполне довольный собой, удалялся по другим делам.

Ему прощались многие слабости и чудачества, объясняемые отчасти привычками старого холостяка. Благополучная личная жизнь его, в том понимании, в каком она трактовалась обществом, не задалась. Баснописец никогда не был женат, хотя в молодости мог соединиться в браке с дочерью священника из Брянского уезда по имени Анна. Семья девушки считалась состоятельной и находилась в дальнем родстве с семейством Михаила Юрьевича Лермонтова. В дни своей влюблённости двадцатидвухлетний Иван, не отличавшийся богатством, завидным положением и родовитостью, оказался отвергнут священником. Все дальнейшие события указывали на то, что молодого Крыло-

ва отказ расстроил не сильно, и чувства его были не столь глубоки, как у Анны. Иван отправился в Санкт-Петербург, оставив возлюбленную тосковать. Печаль девушки едва не закончилась тяжёлой болезнью, и родители Анны смирились с её выбором. Священник телеграфировал молодому человеку в Санкт-Петербург, но Иван ответил, что у него нет денег, чтобы приехать в Брянск, и попросил привезти невесту к нему. Родители девушки возмутились и посчитали себя оскорблёнными, аннулировав все прежние договорённости. Брак не состоялся, видимо, к облегчению несостоявшегося и уже остывшего жениха. Как иначе объяснить столь странные для горячо влюблённого молодого человека отговорки?

Оставшись без невесты, Иван вскоре покинул столицу и пустился во все тяжкие – скитания, игры в карты, чередующиеся попытками устроить свою судьбу, меняя службы и хозяев. Через пару-тройку лет он задержался на должности секретаря князя С. Ф. Голицына и учителя его детей. Но сельская жизнь показала такой скучной и беспроблемной, что баснописец наш окончательно разленился. Дело дошло до анекдота, когда гости князя застали Ивана у пруда в голем виде, заросшим бородой, с грязными, неприлично отросшими ногтями. Едва ли приезжие дамы были сильно шокированы, ведь современники Крылова отмечали, что благородных женщин к неопрятному и сумасбродному баснописцу тянуло непостижимым образом. Не смогла противостоять обаянию сочинителя и императрица Мария Фёдоровна, благоволившая Крылову. Хотя уверяют, что Иван Андреевич при знакомстве осмелился появиться перед государыней в дырявом сапоге, из которого торчал палец, и чихнул, когда целовал руку высочайшей особы. Ходили слухи, что баснописца любила балерина – содержанка великого князя Константина Павловича, она даже имела виды на брак.

Но Крылов так никогда и не женился, хотя не чурался телесных радостей.

По утверждению современников, Иван Андреевич имел длительную связь с домработницей Феней. Простая женщина без затей, похоже, устраивала его вполне, и сие сожителство увенчалось рождением девочки Саши, которую считали и считают внебрачной дочерью Крылова. Саша осталась жить у Ивана Андреевича и после смерти матери, он наделил девушку приданым, а после замужества с удовольствием нянчил её детей, переписав всё своё имущество на имя мужа Александры.

Как видим, женщинам Крылов не отводил главную роль, его привязанности сосредотачивались в иной плоскости. Большой отрезок жизни, проведённый баснописцем в библиотеке, ознаменовался подъёмом творческой деятельности. Оленин всячески поощрял у своих подчинённых занятия литературой, а Крылову легко сочинялось в царстве книг. Хотя сюжеты брались у полюбившегося ещё в детстве Лафонтена, образы героев Иван Андреевич списывал с сотрудников Публички или с тех людей, с кем сталкивала судьба. Сто пятьдесят три басни из двухсот пяти Крылов написал в эти годы.

Старость подкралась незаметно, он успел сделать для библиотеки несравнимо много и часто, после отставки Сопикова, тянул воз Русского отделения в одиночку. Лишь иногда появлялись у него помощники, а среди них знаменитые Антон Антонович Дельвиг, Михаил Николаевич Загоскин и книговед Иван Павлович Быстров. Один из коллег Крылова В. И. Соболецников так описывал его рабочий день в последние месяцы: «Придя дежурить после обеда, он (Крылов) ложился обыкновенно на диван и читал лёжа. А когда являлись посетители, то он, не вставая, указывал им на шкаф и приготовленные для них книги и просил брать, что кому нужно. Частенько он засыпал на своём диване, и покровительствовавший ему Оленин в таких

случаях говаривал окружающим: "Вероятно, Иван Андреевич не здоров"».

Сам государь любил баснописца, награждал чинами и повышением пансиона, казалось, можно было, достигнув почтенного возраста, отдохнуть, но Крылов продолжал трудиться в библиотеке. Он часто говорил: «Я вот уже так здесь привык, что почитаю для себя забавою, игрушкой наклеивать да переклеивать буквы на книгах; что другому покажется тяжело. Я своей должности ни на какую не променяю; дело совсем другое, если бы я был моложе». Всем своим деятельным существованием, бескорыстным служением библиотечному делу Иван Андреевич только подтверждал мораль одной из своих басен «Орёл и пчела»:

Но сколь и тот почтен,
кто в низости сокрытой,
За все труды, за весь потерянный покой,
Ни славою, ни почестями не льстится,
И мыслью оживлён одной,
Что к пользе общей он трудится.

Библиотеке И. А. Крылов отдал 29 лет и вышел в отставку в 1841 году, когда ему было за 70. Спустя ещё три года, 9 ноября 1844 года, Иван Андреевич скончался. У смертного одра его пребывала Саша с мужем и двумя детьми. Похоронили Крылова в Александро-Невской лавре, а 12 мая 1855 в Летнем саду Петербурга открыли памятник работы П. К. Клодта. Он стал первым памятником баснописцу в столице, но не менее значимым монументом остаются труды Ивана Андреевича на благо библиотеки и всего библиотечного дела. Деятельность И. А. Крылова способствовала превращению Императорской Публичной библиотеки со временем в одно из крупнейших книгохранилищ мира – Российскую национальную библиотеку. Здесь исследования и новаторства Крылова трудно переоценить, они выдержали проверку временем и применяются до сих пор.